

*Для полуночных купальщиков —
а еще всех бывших и настоящих
членов «Чайного клуба двух часов дня».*

Особенно Джека, Ари, Молли и Ханны.

*Пусть на ваших пляжах
всегда горят костры, бегают собаки
и звенит смех, в любую погоду.*

ПРИМЕЧАНИЕ О СПОЙЛЕРАХ

Другие читатели — не говоря уже об авторе книги — оценят вашу доброту, если вы сохраните в тайне все открытия, которые сделаете, следуя за приключениями Грiza в руинах нашего мира...

Ч. А. Ф.

*Мою собаку украли.
Я решил ее найти.
В этом мире опасно.
Назад домой нет пути.*

Конец

Собаки были с нами с самого начала.

Когда мы, охотники и собиратели, вышли из Африки и начали заселять мир, они отправились с нами. Они следили за нашими кострами, пока мы спали, помогали нести добычу долгими рассветами, когда мы охотились за едой вместо того, чтобы выращивать ее. Позже, когда мы стали фермерами, они стерегли наши поля и пасли стада. Собаки присматривали за нами, а мы присматривали за ними. Еще позже, когда мы построили города и деревни, они вошли в наши дома и семьи. Из всех животных, проделавших долгий путь сквозь эпохи вместе с людьми, собаки всегда занимали ближайшее место.

Теперь, на краю конца света, выжившие собаки по-прежнему с нами. И пусть не осталось законов, кроме тех, которые ты придумаешь сам, но если ты украд мою собаку, я найду тебя. Зачем жить, если мы не преданы тем, кого любим? Это все равно что не иметь памяти. Так мы перестаем быть людьми.

Это словно смерть, пусть даже ты и продолжаешь дышать.

Итак, конец света. Мир не взорвался в одночасье. Не пойми меня неправильно: взрывы были, большие и маленькие, но они случились задолго до того, как люди поняли, что произошло.

На взрывах мир не закончился. Они были симптомами, а не причиной. Все закончилось Гелдингом¹, но никто так и не понял причину, а если и понял, было слишком поздно. Теорий было так же много, как и людей, внезапно ставших бесплодными: космическое излучение, вышедшее из-под контроля химическое оружие, биологическая атака, загрязнение окружающей среды (ну и бардак вы устроили в своем мире), генетическая мутация из-за космического вируса и даже вариант для верующих — кара богов всех цветов и мастей. Все «как» и «почему» медленно теряли значение: люди постепенно понимали, что большое финальное «когда» надвигается на них словно шторм, от которого не скрыться даже самым быстрым, богатым, умным и влиятельным.

Мир — его человеческая часть — стал бесплодным, и у людей перестали рождаться дети. Вот и все. Конец. Люди из Последнерожденного поколения — или беби-бастеры², как они себя называли, — просто жили, старели, а затем умирали.

Когда их не стало, все закончилось. Без взрывов и криков. Скорее, конец света был похож на усталый вздох.

Это был мягкий апокалипсис. И хотя тем, кто ощутил его на себе, пришлось нелегко, предотвратить его было нельзя. Теперь мы, немногие обитатели этой планеты, живем в одиночестве по ту сторону конца света.

Почему я не умер и рассказываю тебе об этом? Я один из тех, кого считают исключением из правил. Примерно 0,0001% человеческого населения избежали Гелдинга. Этих людей назвали обособленцами. Если до Гелдинга в мире жило семь миллиардов людей, менее семи тысяч из них по-прежнему могли иметь детей. Один человек на миллион. Точнее, на два миллиона, ведь для рождения ребенка нужны двое.

---

¹ В переводе с английского слово «gelding» означает евнух, кастрат (здесь и далее прим. пер.).

² От *bust* (англ.) — банкрот, банкротство.

Наверное, ты пытаешься представить, насколько нас мало. На старой фотографии ты одет в футболку с названием какого-то футбольного клуба. Ты выглядишь очень счастливым. За свою жизнь я встретил так мало людей, что мы бы не собрали две команды, чтобы сыграть в футбол. Вот насколько опустел мир.

Наверное, в хорошей истории все бы произошло иначе. Какой-нибудь герой или команда героев спасла бы мир от катаклизма. Я прочитал кучу таких историй. Они мне нравятся. Особенно те, в которых большая группа людей объединяется ради спасения мира. Сама по себе идея большой группы людей кажется мне чем-то удивительным, потому что я повидал многое, но только не это.

Эта история другая. Она реальна. Я пишу правду, рассказываю то, что знаю, описываю то, что действительно произошло. Но все, что мне известно, даже мое рождение, произошло спустя много, много лет после того, как апокалипсис накрыл этот мир.

Пожалуй, я должен представиться. Я Гриз. Это настоящее имя. Мое реальное имя более красивое, но меня звали Гризом сколько я себя помню. Мне рассказывали, что в детстве я все время ныл и кусался, как медвежонок. Так я стал Мелкой Грызлей. Шли годы, мое имя становилось короче, и теперь я просто Гриз. Я больше не ною. Папа с гордостью называет меня стойким. Быть стойким — значит не жаловаться. Он говорит, что я как будто покончил с нытьем еще до того, как научился говорить. Теперь, пусть я и задаю слишком много вопросов, я никогда не сижу сложа руки. Это он тоже говорит с гордостью. Папа прав. Жалобами ничего не добьешься.

Здесь, после конца света, нам всегда есть чем заняться.

Здесь — это у нас дома. Наш дом — это остров. Мы — это мои родители, брат Фёргом и сестра Бар. И, конечно, собаки. Моих зовут Джип и Джесс. Джип — терьер с длинными лапами, жесткой коричнево-чер-

ной шерстью и глазами, которые ничего не упускают. Джесс такого же размера, но у нее мягкая шерсть, она поуже в плечах, а еще у нее на груди белое пятно. Они дворняги, брат и сестра, одинаковые, но разные. Джесс — огромная редкость, потому что сегодня в собачьих пометах рождаются только самцы. Наверное, это связано с Гелдингом. Возможно, то, что произошло с людьми, повлияло и на животных, но не так серьезно. Сегодня самки рождаются очень редко. Возможно, это наказание за преданность, вселенски несправедливая расплата за то, что собаки веками шли с нами бок о бок.

Мы единственные люди на острове, и это хорошо, потому что остров не такой уж большой. Мы живем на нем впятером, но порой я думаю, что было гораздо лучше и не так тоскливо, когда нас было шестеро. Он называется Мингалей. Так его называли, когда ты был жив. Он находится на Атлантическом побережье бывшей Шотландии. Дальше на запад ничего, кроме океана и затем Америки, и мы почти уверены, что и ее нет.

На севере находятся Паббей и Сандрей, низкие острова, где мы пасем овец и лошадей. Еще севернее лежит большой остров Барра, но мы там не бываем, и это очень обидно, потому что там много больших домов с разными штуковинами. Но там что-то произошло, и теперь эта земля считается небезопасной. Очень странно всю жизнь проплывать мимо такого большого острова с замком посреди гавани и ни разу не высадиться там. Это как зудящая царапина на спине, до которой не можешь дотянуться. Но папа говорит, что на Барре тебя ждет что-то похуже царапин. Поскольку именно это странное нечто убило его родителей, мы туда не плаваем. Это злополучный остров, и сегодня там живут только кролики. Даже птицам он не по душе. На моей памяти чайки ни разу не садились на его мокрый прибрежный песок.

На северо-востоке от нас находится длинная низкая гряда островов под названием Уист и остров Эрискей. Эти места более удачливы, и мы часто там бываем. Там нет людей, зато много диких животных и мест для

· Ч.А. Флетчер ·

выращивания дикого картофеля. Раз в год мы отправляемся туда на неделю, чтобы собрать урожай ячменя и овса со старых полей. Иногда мы плаваем туда повикинговать. Это слово придумал папа: мы отправляемся в путешествие на несколько дней, ночуем в домах на островах и занимаемся мародерством, словно древние мореплаватели на огромных кораблях из книжек. Но мы не плохие: мы просто ищем полезные вещи из старого мира, инструменты и материалы в заброшенных домах, чтобы выжить. И, конечно, книги. Оказалось, книги очень хорошо хранятся, если держать их подальше от сырости и крыс. Они легко могут прожить сотни лет. Чтение — еще один способ выжить. Полезно знать, откуда мы пришли, как мы здесь оказались. Но самое главное для меня заключается в другом: хотя эти низкие и пустые острова — все, что я видел в своей жизни, когда я беру в руки новую книгу, я словно открываю дверь в новый мир и путешествую в пространстве и времени.

Даже в необъятном море и бескрайних небесах может стать тесно, если не видишь ничего другого.

Вот кто я такой. Наверняка ты знаешь все о себе, точнее, знал. Потому что ты, разумеется, мертв и мертв уже давно, как любой человек, когда-то живший на планете.

Почему я говорю с мертвым человеком? Мы еще вернемся к этому вопросу. Но пора продолжать историю. Я прочитал достаточно книг, чтобы знать, с чего начать.

Странник

Если бы не красные паруса, вряд ли бы мы поверили ему.

Лодка, идущая с северо-запада, была заметна уже на горизонте, гораздо дальше, чем любое судно с белыми парусами на фоне бледной дымки. Ее красные паруса потрясали своей яркостью и притягивали взгляд. Так внезапный крик нарушает долгую тишину. С такими парусами нельзя подкрасться незаметно. Их откровенная яркость напоминала цвет маков. Возможно, мы доверились этому человеку именно из-за этого. Из-за парусов, его улыбки и историй.

Никогда не доверяй тому, кто рассказывает красивые истории, до тех пор, пока не узнаешь, зачем он это делает.

Я был на Сандрее, когда увидел паруса. Я устал и злился. Все утро я пытался спасти якорь, упавший с лодки Фёрга на прошлой неделе. Тяжелая работенка, которую он должен был сделать сам, но брат заявил, что не умеет нырять так глубоко, как я, и что якоря на деревьях не растут. Позже, разобравшись с якорем, я пытался спасти барана, застрявшего в узкой расщелине между скалами на пастбище. Он не поранился, но, как и многие бараны, был упрямым и неблагодарным и потому не давал мне закинуть на него веревку. Эта зверюга дважды боднула меня рогами. В первый раз он попал мне прямо по подбородку, да так сильно, что сломал зуб. Я выругался и снова попытался закинуть веревку. Тогда баран боднул меня еще раз, по руке, ободрав кожу на костяшках. Я облизывал кулак и ругался

самыми грязными словами, как вдруг увидел на горизонте лодку.

Неожиданная вспышка красного заставила меня замереть. Я был слишком потрясен, чтобы связать вкус крови во рту с цветом парусов, но я никогда не отличался прозорливостью, как, например, моя сестра Джой. Она всегда угадывала, что родители вот-вот вернуться домой, и предвидела шторм в ясный день. Теперь я не очень верю в такие вещи, но верил, когда был ребенком и мало о чем задумывался. Когда мы с Джой беззаботно бегали по острову, счастливые и переживающие лишь о том, когда наступит ужин. В те дни я считал ее прозорливость чем-то таким же повседневным и реальным, как холодная вода ручья возле нашего дома. Повзрослев, я решил, что это были лишь совпадения, и поскольку Джой навсегда исчезла за черной скалой на вершине острова, не самые надежные совпадения.

Если бы она действительно была прозорливой, она бы не полезла за своим воздушным змеем и не погибла бы в одно резкое и одинокое мгновение. Если бы Джой действительно была прозорливой, она бы подождала, пока мы вернемся на остров и поможем ей. Я видел воздушного змея, застрявшего в расщелине, и знал, что мы могли достать его мотыгой, и никто бы не пострадал. Но Джой попыталась добраться до него самостоятельно. Она поскользнулась и упала со скалы высотой более семисот футов туда, где волны, достигающие скорости в две тысячи морских узлов, разбивались о первый неподвижный объект на своем пути: черный отвес скалы позади нашего дома. Джой не дождалась нас. Эта упрямая кроха всегда была нетерпеливой, всегда старалась поспеть за Фёргом и Бар и делала все, что и они, несмотря на свой юный возраст. Позже Бар сказала, что Джой всегда торопилась, потому что чувствовала, как мало времени у нее осталось.

Мы не нашли ее тело. Вместе с гибелью Джой закончилось мое детство. Мне было восемь. Она была старше меня на год. Спустя два года я всего лишь на год старше, чем она когда-либо будет, но в своих мыс-

лях я был таким, каким и являюсь сейчас: абсолютно взрослым. Даже теперь, спустя много лет, Бар и Фёрг по-прежнему зовут меня ребенком. Но они на шесть и семь лет старше нас. Наша мать звала меня и Джой детьми, чтобы отличить от Бар и Фёрга.

Но после смерти Джой мама замолчала навсегда. В тот день мы нашли ее на холме на полпути от обрыва и едва не лишились и ее. Обезумев от горя, мама побежала вниз, вокруг острова, в отчаянной надежде спасти ребенка, который не выжил бы после падения с такой высоты. В суматохе она споткнулась и упала, ударившись головой о камень. Из ее ушей и по лицу текла кровь. После этого она перестала говорить.

Тот день стал худшим в моей жизни, хотя все последующие были ничуть не легче. Мама не умерла, но ее больше не было. Она повредила мозг или была слишком потрясена горем, чтобы выбраться из своего кокона. Папа сказал, что в эпоху До мы бы отвезли ее в больницу, и врачи прооперировали бы ее голову, чтобы ослабить давление. Но теперь, в эпоху После, это невозможно, поэтому он решил сделать это самостоятельно с помощью ручной дрели. Папа действительно бы сделал это, если бы нашел дрель, но ее не было на привычном месте, а потом кровотечение остановилось. Мама надолго заснула, и из ее ушей больше ничего не текло, так что это даже хорошо, что папа не стал сверлить дыру в ее черепе.

Я надеюсь на это, потому что знаю, это Фёрг спрятал дрель. Он тоже знает, что я знаю, но мы никогда не говорили на эту тему. Если бы это произошло, я бы сказал брату, что восхищаюсь его поступком, потому что папа убил бы маму, и ему пришлось бы жить с ужасной ношей. Хотя мама и живет где-то у себя в голове, я могу сидеть рядом с ней и держать за руку. Иногда она сжимает ее и почти улыбается. Это очень успокаивает — призрак того, что от нее осталось, тепло ее руки, ощущение прикосновения. Папа сказал, что тот день был самым страшным в нашей жизни, но мы его

пережили и теперь должны жить дальше. Так в мире произошла катастрофа, но он не исчез.

Иногда, в темноте у костра, папа держит маму за руку, думая, что мы не видим. Он делает это тайком, боится показаться слабым перед нами. Но, возможно, настоящее проявление слабости — пытаться скрыть эту потребность в тепле. Так Бар сказала Фёргу одним вечером, когда была расстроена, и никто из них не знал, что я подслушивал.

Я успел освободить барана, свистнуть своим собакам, охотившимся на кроликов, и проплыть мило в сторону дома, чтобы предупредить остальных задолго до того, как путник приблизится к берегу. Оказалось, что я мог не торопиться, потому что зоркая Бар тоже увидела красные паруса. Они успели подготовиться. Это означало, что Бар с папой стояли на берегу, а Фёрга нигде не было видно. Бар сомневалась, что Фёргу так уж необходимо прятаться в укромном месте и наблюдать за нами с ружьем наготове. Она решила, что лодка с красными парусами похожа на лодку Льюисменов и что, возможно, они просто нашли новые паруса. Льюисмены были семьей из шести человек, они жили в пяти островах севернее от нас, самые близкие люди, которых мы знали, и мы знали их хорошо. Бар заплетала волосы в длинную косу, которая теперь свисала ниже талии, и вскоре собиралась вступить в отношения с одним из четырех сыновей Льюисмена. Но, будучи противоречивой по своему характеру, она не считала нужным спешить с выбором. Разумеется, эти мальчишки никуда не уедут, а других девочек, которые могли бы потеснить Бар, не было. Льюисмены были практичной семьей, и иногда мы собирались вместе, чтобы сделать что-то, требовавшее больше четырех пар рук. Но мы никогда не соглашались на их предложение перебраться поближе к ним, а они никогда не думали о том, чтобы переехать южнее, а может, и думали, но эта идея им не нравилась. И все же Льюисмены были нашими соседями и единственными людьми в сотне миль вокруг. Мы звали их Льюисменами, хотя их настоящая

фамилия была Литтл. Когда красные паруса приблизились к берегу, мы увидели, что Бар ошиблась. Эта лодка была больше, а у человека за штурвалом были длинные волосы, развевающиеся за спиной, как флаг на ветру. Все Льюисмены обрезали волосы как можно короче ради гигиены, даже Мэри, мать семейства, хотя она напоминала скорее мужчину, чем женщину, ведь она воспитывала четырех сыновей.

Длинноволосый капитан был единственным человеком в лодке, на первый взгляд казавшейся слишком большой для одного пассажира. Незнакомец аккуратно заплыл на мелководье тихой бухты вокруг небольшого мыса на нашем пляже, продемонстрировав хорошие навыки якорной стоянки, и окликнул нас. Его голос был хриплым, но громким. Он сказал, что прибыл один и хочет сойти на берег, если мы не против. У него были вещи на продажу, а о нас ему рассказали Льюисмены, которых он покинул два дня назад. У мужчины была записка от них, и он тряхнул ей в воздухе. Лист бумаги казался белым пятном на фоне темного моря.

Папа махнул ему рукой в знак согласия. Незнакомец спустил на воду маленькую шлюпку и начал грести в сторону пляжа. Я помог ему выйти на берег, и мы вместе затолкали шлюпку на песок.

Я почувствовал руку папы на своем плече, словно предупреждение, словно я вел себя слишком воодушевленно и беспечно. Но затем он потрепал меня по коротким волосам на затылке, а я знал, что папа делает так только в хорошем настроении.

«Я Эйбрахам, — сказал он, кивнув незнакомцу. — Можете звать меня Эйб. А это мой сын Гриз».

«Привет, Гриз», — сказал мужчина с улыбкой, которая понравилась мне в тот же момент, когда она белоснежной линией разделила его густую рыжую бороду пополам.

Но не успел я узнать имя путника, как его окружили собаки. Они рычали и лаяли, напоминая огромный клубок из зубов и хвостов, но, когда незнакомец опустился на корточки, чтобы познакомиться с ними, они

завиляли хвостами, а рычание превратилось в скулеж. Каждая хотела, чтобы ее погладил и приласкал этот незнакомец с моря. Собаки любили его, и он рассказал нам, что потерял свою всего несколько недель назад во время шторма у Норт-Кейп и теперь безумно скучал по ней. Его собаку, метиса хаски с шерстью белого, черного и коричневого цвета, звали Сагой, и она была умной как человек. Один глаз собаки был коричневым, как шерсть на ушах, а другой голубым, как небо. Мужчина держал ее в маленькой каюте, но, когда лодка налетела на особенно большую волну, он упал и поранился. Сага услышала его болезненный крик, выбила лапами замок и бросилась на помощь. Ее смыло волной за борт, и мужчина навсегда потерял ее. Ветер уносил лодку прочь, лишая возможности найти собаку, и на фоне суровых волн, бьющих о корму, нельзя было ничего разглядеть. Мужчина показал нам шрам на голове, и в том, как мягко он трепал по шерсти наших собак, было видно, что его боль была гораздо глубже залеченной физической раны.

Как я уже сказал, это была хорошая история. И как я узнал позже, кое-что даже было правдой. Собака с коричневым и голубым глазом, умная как человек, — это было абсолютной правдой.

Вряд ли бы незнакомый человек вызвал у тебя такой же интерес, как у нас. Ты жил в мире, где тебя постоянно окружали новые люди. Если ты жил в городе, они кружились вокруг, словно огромный косяк скумбрии, и ты был лишь одним из тысяч или миллионов. Наверняка ты считал себя одиноким, но все равно был частью чего-то большего. Для нас каждое незнакомое лицо — настоящее событие. Любой человек кажется такой редкостью, что почти приравнивается к новому биологическому виду. Путник не был похож ни на кого, кого бы я знал. Во-первых, у него были длинные волнистые волосы цвета огня. Он был рыжим. Я видел выцветшие фотографии и читал о таких людях, но никогда не встречал их в жизни. Цвет его волос был поразительным, непривычным и резким, как поля оранжевых цветов, которые росли на

других островах рядом с заброшенными садами. Моя мать называла их крокусами, когда еще говорила. Она знала названия всех цветов и растений. Бар рассказывала, что острова не были естественным местом обитания крокусов, но эти цветы, как мы, умели выживать. Он был не только рыжеволосым, еще у него была густая рыжая борода, которая выступала так далеко от его лица, как и волосы за спиной, словно это был единый кусок чего-то рыжего. Бледная, но обветренная кожа и глаза опасного голубого оттенка, смотревшие на мир из-под высокого лба. Я не знаю, почему я посчитал голубой опасным цветом, но именно это слово мелькнуло у меня в голове, когда я увидел их вблизи. Возможно, все дело в том, что мужчина мельком посмотрел на меня, и в тот момент на его лице не было улыбки. Я точно знаю, что его глаза показались мне опасными именно в тот момент, а не позже, когда все произошло. Но тогда я отмахнулся от этой мысли.

Наверное, ты, живший в мире разнообразия и выбора, умел прислушиваться к своему внутреннему голосу, когда дело касалось людей. У меня не было опыта. Поэтому я забыл об опасных голубых глазах незнакомца, когда он улыбнулся мне спустя секунду. Я решил, что голубой цвет выглядел непривычно, ведь до этого дня я видел только карие или зеленые глаза. А когда этот мужчина улыбался, его глаза не выглядели холодными. Возможно, ему было непросто сочетать две вещи одновременно — огненный цвет своих волос и ледяной оттенок глаз. Лицо, суровое и жесткое без улыбки, и улыбку, которая словно растапливала мир, когда ты видел ее.

«Вы похожи на викинга», — первые слова, которые я сказал ему.

Это было правдой. Я видел похожие лица в учебниках по истории и на старых фотографиях — мужчин в рогатых шлемах и с топорами в руках.

В ответ этот человек, прибывший с севера, сказал: «Кто такие викинги?»

Даже вопрос может быть ложью, если задать его правильно.

Кто ты?

Я нашел тебя одним летом, когда мы отправились на острова викинговать. Когда Фёрг высмеял мое желание записывать свои мысли (кто в пустом мире собирается читать твою писанину?), папа сказал, что это естественное следствие моей любви к чтению. Он сказал, что, когда много читаешь, начинаешь думать как писатель. Точно так же начинаешь неосознанно насвистывать и заучивать мелодии, если живешь в одном доме со скрипачом, как это произошло с Фёргом. Я много читаю. Папа играет на скрипке. Я сказал ему, что, наверное, Фёрг прав, ведь мне было не для кого писать, и все люди в моей жизни уже знали все обо мне, ведь они — часть моей жизни. Но мне хотелось вести дневник, и тогда папа посоветовал писать просто, без заковырок, словно я разговариваю. Я все еще сомневался, ведь бóльшую часть времени мы говорим с другими людьми. В ответ он посоветовал использовать воображение. Папа предложил представить кого-то и думать об этом человеке, когда пишешь. Тогда я подумал о тебе, мальчике с моим лицом.

Кто же ты?

Я нашел твою фотографию в доме на острове Норт-Уист. Тем летом мы искали запчасти для ветрогенератора, который вырабатывает электричество на нашем острове. Папа знал, что такие ветряки были на старом перешейке, соединяющем Норт-Уист с Бернерей. Мы отправились туда на люгере¹. Пока папа и Фёрг раз-

---

¹ Люгер — двухмачтовое, иногда трехмачтовое, парусное судно.

бирали двигатель старого разрушенного генератора, я отправился осматривать большой дом на горизонте, в котором мы решили заночевать. Мы уже бывали там. Дом был крепким, каменным, крыша по-прежнему стойко держалась под ударами непогоды. Но самое главное — там было много книжных шкафов и штука под названием бильярдный стол.

Здание — большой дом фермеров — было старым и казалось необъятным по сравнению с другими домами на острове. Когда-то его стены белили, но теперь от краски почти ничего не осталось, так что это был серый дом с темной шиферной крышей и целыми стеклянными окнами, которые словно наблюдали за мной, пока я шел по заросшей тропинке. Посреди высокой травы у черного входа стояла машина, проржавевшая до основания и выглядевшая так, будто вот-вот нападет на меня. Дверь в дом открылась не так легко, как в прошлый раз, три года назад, но за это время я подрос и смог открыть ее достаточно аккуратно, чтобы плотно закрыть перед тем, как мы отправимся домой. Я пропустил собак вперед, чтобы они разогнали затаившихся крыс.

Джип и Джесс бросились в дом, зашуршав лапами по растрескавшемуся пластиковому полу. Они скулили и лаяли, как и всегда в моменты восторга, но крыс нигде не было слышно. Вскоре собаки затихли и вернулись ко мне. Они выглядели разочарованными и немного обиженными, словно я пообещал им веселье, но не сдержал слово.

С нашего последнего посещения в доме что-то изменилось. Я не мог сказать, что именно меня встревожило, но я чувствовал перемены. Раньше этот дом напоминал многие другие дома, в которые мы заходили, сырые и рассыпающиеся, заполненные вещами, ценность или бессмысленность которых ты определял сам. Например, папа всегда отворачивал фотографии людей, висевшие на стенах заброшенных домов. Я не знаю, зачем он это делал. Он говорит, что так духи обретут покой, но я знаю, что он не особо верит в духов

или, по крайней мере, говорит, что не верит. Моя сестра Бар тоже отворачивает фотографии. Она говорит, что так мертвые глаза перестают смотреть на нас.

Вряд ли она верит в это.

Наверное, Бар просто пытается напугать меня, потому что в хорошем настроении она любит пошутить и подразнить меня. Помимо книг в пустых домах меня поражают маленькие коллекции вещей на полках. Это не только фотографии, многие из которых — если только в комнатах не было темно — выцвели так сильно, что теперь напоминают размокшую бумагу, но и маленькие фарфоровые человечки, кружки, вазы, фигурки из стекла и дерева и многое другое. Картины. Призовые кубки. Сувениры. Вещи, которые когда-то значили многое для людей, раз они нашли для них место и выставили на виду. У нас нет картин и нет времени для сувениров. Все, что мы делаем, — пытаемся выжить, двигаться вперед, продолжать жить. Не тратьте время на предметы и сувениры, говорит папа каждый раз, когда мы отправляемся викинговать. Берите только полезные вещи. Возможно, я решил написать свою историю именно поэтому. Она — сувенир, который я ношу в своем кармане. Всегда.

Вместе с твоей фотографией.

Твоя фотография явно была сувениром. Ты значил многое для другого человека, а может, для самого себя. Я нашел тебя под бильярдным столом. Эта находка была странной и тайной, но поскольку фотография — вещь маленькая, я взял ее, и никто об этом не узнал. Теперь ты живешь между страницами блокнота, в котором я пишу. Наверное, пока кто-то не прочитает его, ты так и останешься моим секретом.

Я уже бывал в этой комнате для игры в бильярд, когда мы приезжали на остров в последний раз. Почти всю комнату занимал стол, покрытый защитным чехлом. После, наверное, сотни лет его края превратились в лохмотья от тяжести собственного веса. Мы сняли чехол и разложили яркие шары на бледно-зеленой ткани, пытаясь закатить их в лузы. Когда-то здесь были кии,

но теперь подставки для них пустовали. Мне нравились гладкие движения и приятные звуки, с которыми шары ударялись друг о друга. В нашем повседневном залатанном мире мало что движется так плавно и гладко. Слева был огромный шкаф с книгами, а справа окно, закрытое ставнями. Я уже просмотрел книги в прошлый раз, но теперь, став старше, решил проверить, не найдет ли повзрослевшая версия меня что-нибудь интересное в том, что не привлекало раньше.

Ставни были наглухо закрыты, и я не стал открывать их. Темнота шла книгам на пользу, и к тому же я боялся сломать ставни. Петли проржавели, гвозди едва держались в старой древесине. Поэтому я достал огниво и зажег масляную лампу. Неожиданно огниво выпало у меня из рук и закатилось под стол для бильярда.

Мы не нашли тебя в прошлый раз из-за коробок. Кто-то решил использовать пространство под столом и сложил там коробки с пробковой плиткой. Той же плиткой, теперь отклеивающейся, был покрыт пол на кухне дальше по коридору. Но мы не знали, что коробки стояли лишь у ножек стола, а пространство посередине было пустым, словно квадратная пещера, комната в комнате. Мое огниво закатилось в узкую щель между двумя коробками, и я разгадал секрет, лишь когда заглянул между коробками.

Лампы с рыбьим жиром давали больше запаха, чем света, но даже в том мягком сиянии я смог разглядеть, что кто-то использовал это место как скрытое логово. Мое внимание привлекло отражение пламени моей лампы в стеклянных банках напротив. В них лежали огарки свечей. Старые свечи горели лучше тех, которые делала Бар, поэтому я тут же решил забрать их и проверить, не осталось ли целых свечей. Я пролез между коробками и обнаружил тайную комнату.

Кто-то спал здесь, но это было очень, очень давно. На полу были разбросаны подушки, одеяла, разложенный спальный мешок. У внутренней стены, построенной из коробок, лежали книги, консервные банки и аптечки.

Гирлянда крошечных фонариков, одна из тех, которую я видел на старых фотографиях и которой ты обычно украшал рождественскую ель, обрамляла края покрывала бильярдного стола. Но, конечно, она была выключена и никогда не загорится вновь. Я попытался представить, как выглядело это секретное место с включенной гирляндой: уютно, радостно, возможно, даже немного волшебно. На обратную сторону стола, сделанного из камня, кто-то приклеил несколько пробковых плиток, пытаюсь соорудить красивую крышу. А еще там была доска с фотографиями и рисунками.

Возможно, именно из-за той гирлянды, которая никогда не загорится вновь, мне захотелось увидеть, как бы выглядело это место, если осветить его чем-то более ярким, чем моя коптящая лампа с рыбьим жиром. Вот почему я зажег один из огарков и лег на мятый спальный мешок. Синтетический наполнитель превратился в пыль под моим весом, и в тот момент я увидел тебя. Ты был на фотографии, прикрепленной прямо над подушками. Должно быть, ты был последним, что видел засыпавший здесь человек, прежде чем выключить огоньки, и первым, что он видел утром. Или здесь спал ты. Возможно, эта комната была твоей. В любом случае ты был важен для кого-то. Тебя любили. Тобой дорожили. Возможно, по тебе скорбели. Или и то, и другое.

На фотографии ты прыгаешь на пляже, широко раскинув в стороны руки и ноги, как звезда. Рядом с тобой прыгает девочка — возможно, твоя сестра. Яркий солнечный день. Вы очень похожи. Она младше тебя. На снимке вы повисли в воздухе между песком и небом, смеетесь, ваши глаза горят от восторга. Ты смотришь в объектив. Девочка смотрит на тебя безумным счастливым взглядом, таким пронзительным, что на секунду мне становится больно. Рядом с тобой прыгает коротколапый терьер. Он смотрит на тебя, его пасть растянута, словно в улыбке. Иногда я думаю, что ты очень похож на меня. Девочка тоже кажется знакомой. Если я зажмурюсь и дам волю воображению, она выглядит так, как выглядела бы Джой. Возможно, я взял

фотографию именно поэтому. Потому что у меня нет снимков когда-то старшей — но теперь навечно младшей — сестры. Возможно, я решил, что, когда я стану старше, и воспоминаний станет больше, это поможет мне не забыть, что когда-то нас было двое. Или легкое сходство — единственная причина, почему я пишу это для тебя. Я знаю лишь одно: еще никогда я не видел фотографии, которая бы так обрадовала и расстроила меня одновременно. Даже без девочки ты и твоя собака выглядите как последние счастливые люди перед концом света, перед тем как начнется новая эпоха.

А может, я описываю свою жизнь для тебя, потому что людей, которым я мог бы все рассказать, больше нет, или они больше не могут мне ответить. Папа считает, что я слишком много думаю. Задаю слишком много вопросов. Он считает, что отсутствие ответов меня расстраивает. Я не знаю, прав ли он. Зато точно знаю, что папа ненавидит вопросы. Как будто отсутствие ответа лишает его чего-то. Но мне просто нужна информация. Зачем тогда в свободное время папа сидит с энциклопедией, если не в поиске ответов?

Это еще одна вещь, которую я взял из тайной комнаты. Книги. Тот, кто здесь жил, сложил стопки книг вдоль коробок. Рассмотрев фотографии, я повернул голову и заметил их. Я несколько раз оглядел стопки и начал выбирать случайные из них, читая описания. Это были не практичные книги, не учебники по истории и не техническая литература, которую папа заставлял нас читать, чтобы не потерять важные знания (позже я начал называть это лейбовицничеством). Эти книги были художественными, выдуманнами историями. Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что их объединяло, и тогда меня охватил шок, близкий к восторгу, хотя и не знал, почему это так поразило меня. Все книги были посвящены воображаемому будущему, в котором твой мир, мир До, рухнул на части. Это были истории о моем мире, мире После, написанные людьми, не знающими, как он будет выглядеть.

Я набил свой рюкзак книгами, а все остальное сложил в сумку, которую нашел на чердаке дома. Папа и Фёрг попытались убедить меня оставить книги, но у них было хорошее настроение — они нашли две рабочие запчасти от старых генераторов, а еще они оценили три с половиной коробки старых свечей, которые я нашел под столом. Я не сказал им о тайной комнате и перед уходом закрыл проход коробками. Так что, если это место было твоим секретом, оно по-прежнему осталось им. Насколько я знаю.

Той осенью я прочитал все книги, а некоторые даже дважды (тогда-то я и начал называть одержимость папы техническими и научными книгами лейбовицизмом — после прочтения «Страстей по Лейбовицу»¹, книги о том, как монахи в далеком будущем пытались воссоздать целый мир по техническому руководству, найденному в пустыне). Я читал книги в надежде найти интересные идеи, но в итоге получил лишь ночные кошмары и ощущение грусти, которое не проходило неделями.

Я знаю, нельзя тосковать по чему-то, чего ты никогда не знал, но именно это ощущение нередко вызывали у меня книги. Папа злился из-за моего увлечения. Считал книги самыми бессмысленными вещами, устарелыми пророчествами, которые все равно не сбылись. Но мне они нравились. И сейчас нравятся. Возможно, они не описывали в точности жизнь после конца света, но, если взглянуть глубже, можно было узнать многое о жизни До. Книги — ответы на вопросы, о которых ты никогда не задумывался. Но если бы я поделился этой мыслью с папой, он бы разозлился еще больше. Прошлое позади, сказал бы он. Теперь у нас есть только настоящее, и единственные полезные ответы — это те, которые помогут нам выжить в будущем.

---

¹ Роман Уолтера Миллера-младшего, опубликованный в 1960 году.

История путника

Рыжеволосый мужчина сказал, что его зовут Брэнд.

У него была большая сумка. Достаточно тяжелая, чтобы взвалить ее на плечо, пока он шел по склону мимо сохнувших сеток, раздувшихся от рыбы. В воздухе пахло дождем, но пока он не начался, мы решили провести последние предзакатные часы на скамейке возле нашего дома. Брэнд аккуратно положил сумку возле ног и с благодарностью принял кружку с водой из ручья.

— Хорошая вода, — сказал он. — Чистая и холодная. Он посмотрел на треску и скумбрию в сетях. — Если у вас много рыбы, у меня есть на что ее обменять, — добавил он.

— У нас есть все, что нам нужно, — ответил папа.

— Все, кроме преобразователя напряжения для ветряного генератора, — с улыбкой сказал путник. — Но мы обсудим это завтра. Ваши друзья рассказали о проблемах.

Папа выглядел так, словно Брэнд одержал над ним верх в битве, к которой он даже не проявил интереса. Но путник был прав. Генератор работал с перебоями, и папа винил преобразователь. Он ворчал уже целый год, если не больше, и собирался отправиться на поиски нового.

— Хм-м-м... — пробормотал папа. — Оставайтесь на ужин. Обсудим сделку завтра. Торопиться некуда.

По своему небольшому опыту я знаю, что папа всегда задает незнакомцам два вопроса: есть ли другие люди? Они идут сюда? Я не знаю, почему он это спрашивает — из надежды или страха, но тот факт, что мы

никогда не искали других людей, убеждает меня в том, что причина в последнем.

До моего рождения родители отправились на материк, мимо цепочки островов, по реке Клайд. Они отправились на одной лодке, а вернулись с четырьмя. Каждый управлял одной и вел на буксире лодку поменьше. Все были загружены вещами, в окружении многих из которых я вырос. К лодке мамы была прикреплена лодка, позже ставшая моей. Я всегда думал, что она выбрала ее из-за названия — «Добрая надежда». Позже папа признался, что из всех яхт, которые они распотрошили на запчасти в длинной заброшенной гавани, эта пахла наименее отвратительно, когда они открыли люк трюма.

Родители дважды сплавали в опустевший город, который когда-то назывался Глазго, и больше туда не возвращались. Однажды Фёрг спросил почему. Папа сказал, что там произошло что-то, что они не смогли бы объяснить, но это сломало их и замедлило настолько, что никто из них не был готов к третьей поездке, какой бы богатой ни была добыча.

Я помню, как мама, тогда еще говорившая, рассказывала мне об огромной библиотеке в Глазго, целых милях книжных полок и широко распахнутых дверях. Они остановились там на несколько ночей, чувствуя себя в безопасности в этой крепости из книг. Перед уходом мама закрыла двери, чтобы внутрь не пробрались кошки и лисы. Она сказала, что если и было что-то, ради чего ей хотелось вернуться, так это ради библиотеки. Она любила книги, когда могла читать, особенно истории. Думаю, это передалось мне от нее.

В общем, папа задал два своих любимых вопроса, и Брэнд ответил: «Да, но не много и все меньше с каждым годом» и «Нет, они не идут сюда».

А потом, без особого побуждения с нашей стороны, он начал свою историю. Брэнд был хорошим рассказчиком. Его глубокий голос и легкая улыбка медленно и мягко затягивали тебя, так гладко, что ты не понимал, что попался на крючок, пока не сталкивался с его

острым взглядом. Даже тогда тебе казалось, что он делится с тобой чем-то радостным, словно шутит. Ты не понимал, что это наживка.

Зато наживкой казалось все, что Брэнд свободно доставал из своей сумки и раскладывал на траве у наших ног, пока говорил. Он сделал вид, словно ищет что-то на дне. Вскоре его окружали интересные вещицы вроде ножей, биноклей и аптечек военного вида, ручных раций, различных консервных банок и бутылок, содержимое которых было бы несомненно раскрыто, стоило бы нам только спросить.

«Она где-то здесь», — пробормотал Брэнд, беспечно кладя очередное сокровище на землю и запуская руку поглубже в свою бездонную сумку.

Мы молча переглянулись, но во взгляде каждого из нас читался лишь интерес. Папа не выглядел встревоженным, и единственной, кто испытывал сомнения по поводу нашего гостя, была Бар. Она посмотрела на меня и поморщилась.

Я знал, что она имела в виду. От Брэнда пахло по-другому. Не плохо, просто непривычно.

Когда мир был заполнен людьми, все люди пахли одинаково? Или их запахи отличались? Я знаю по старым фотографиям, как выглядит толпа, но я не знаю, как она пахнет. Как она звучит. Я часто думаю об этом. Сливались ли все голоса в один громкий звук, как падение камня на галечном пляже сливается с ревом и шумом волн? Думаю, да, иначе миллионы отдельных и непохожих друг на друга голосов свели бы тебя с ума. Наконец Брэнд нашел то, что искал. С довольной улыбкой он протянул папе длинную бутылку из прозрачного стекла.

«Подарок для хозяев», — заявил он.

Но сразу предупредил: это очень крепкая штука. От нее сразу пьянеешь. Папа рассмеялся и сказал, что мы знакомы с алкоголем, потому что сами делаем вересковый эль и медовуху. Но эта бутылка была из эпохи До и по-прежнему запечатана. Внутри была прозрачная жидкость цвета торфяной воды. Хотя этикетки не бы-

ло, на горлышке бутылки блестели рельефные буквы: «АКВАВИТ».

Неоткрытая бутылка из далекого прошлого — редкая вещь. В конце концов, беби-бастеры пережили немало горя, которое нужно было утопить. Но Брэнд не переживал из-за подарка. У него были еще бутылки. Он сказал, что нашел военный корабль, вероятно, норвежский, севший на мель на крайнем севере. Там было много заколоченных ящиков с просроченными консервами и лекарствами. И «Аквивит». Много «Аквивита». Брэнд сказал, что напиток был неплохим, но отдавал травой. Возможно, укропом. Неожиданный, но приятный вкус, если привыкнуть к нему.

Начался дождь, и мы помогли Брэнду занести его сокровища в дом и снова разложить их на ковре у камина. Затем Бар и я приготовили ужин — жаркое из соленой трески и картофеля. Папа открыл бутылку. Мы все попробовали напиток, кроме мамы, которая, как всегда, сидела возле печной трубы. Она не сводила глаз с лица путника. Неудивительно, ведь он был новым человеком, а мама редко видела незнакомцев, хотя в тот момент она выглядела скорее испуганной, чем заинтересованной. Папа пояснил, что она получила травму много лет назад. Брэнд улыбнулся маме и поднял бокал.

«За хозяйку дома, — произнес он. — Скол¹».

Вкус алкоголя заставил меня вздрогнуть. Горло словно обожгло огнем, и я решил, что Брэнд отравил нас, но он залпом опустошил свой бокал и улыбнулся мне.

«Огненная вода», — заявил он.

Именно это я и почувствовал — тепло изнутри. Я закашлялся и кивнул.

«Даже лучше, — сказал папа, оглядывая нас. — Путешествие во времени».

Последовала долгая пауза. Я не понял, что он имел в виду.

«Мы пробуем прошлое на вкус», — пояснила Бар.

---

¹ Тост, распространенный в Скандинавских странах.

«Точно, — согласился Брэнд. — Я часто думаю об этом. Люди любили этот напиток. Таким До было на вкус».

Горьким. Суровым. Ни капли не сладким, подумал я. Не как медовуха, которую мы делали.

Но путешествие во времени не было единственным волшебным подарком Брэнда в ту ночь неравного обмена. У него было припасено кое-что послаще, из-за чего мы попали в ловушку. Как и со всем, что показывал нам Брэнд, он преподнес подарок в обертке из такой хорошей истории, что ты не понимал, где таилась опасность.

Он рассказал, что был родом с юга и жил по другую сторону материка. Но его семья заболела и давно умерла, две сестры и отец. С тех пор Брэнд все время был в пути. Для нас это стало сюрпризом, потому что мы были уверены, что на материке никого не осталось. Брэнд сказал, что мы правы, но он и его родня выросли в забытой глуши из тростника и воды на юго-восточном побережье под названием Норфолк-Бродс, месте таком пустом и заброшенном, что все до последнего момента казалось безопасным. Они жили в большом доме на плоском острове в устье, месте, расположенном достаточно близко к суше с обеих сторон, чтобы плавать туда-обратно, а не жить как мы на возвышенности в окружении волн.

Отец Брэнда был одним из тех, кого называют технарями. Он понимал, как устроены старые приборы, и умел чинить механизмы. Он был хорош во франкенштейнстве, сказал Брэнд, а потом пояснил, что Франкенштейн был монстром из старой истории, созданным из частей тел разных людей. Я читал эту книгу, но не стал говорить, что на самом деле Франкенштейном звали безумного доктора, создавшего монстра. Брэнд просто хотел сказать, что его отец умел разбирать старые приборы и превращать их во что-то новое. Например, найденную на материке гидротурбину он превратил в насос для подачи питьевой воды из глубокой скважины на острове, работавший благодаря приливу. Я ви-

дел, как загорелись глаза папы. Теперь мы все Франкенштейны. Ничего нового не производится, и нам приходится создавать всю технику из старых незаржавевших останков. Брэнд многому научился у своего отца, но не остался на острове, когда его семьи не стало. Он покинул Норфолк и отправился в море, надеясь найти других людей.

Брэнд называл себя картографом людей, странником и торговцем, но поскольку его встречи с людьми были большой редкостью, он выживал благодаря рыбной ловле и поиску пищи на материке. Его интересовала лишь торговля с нами, и, хотя он говорил о соленой треске, овощах и любой еде, которая была у нас в достатке, я видел, что он не сводил глаз с собак. Особенно с моих собак. Я сразу заметил, что ему приглянулись Джип и Джесс, хотя, по правде говоря, он не скрывал этого. Брэнд присел на корточки и погладил их, заодно осмотрев их пасти. Мои собаки казались маленькими, но у них были большие челюсти и острые зубы. Брэнд одобритительно кивнул.

«Бьюсь об заклад, отличные охотники», — заявил он, посмотрев на папу. Папа кивнул в мою сторону.

«Собаки Гриза, — ответил он. — Вы правы. Эти двое — сущая смерть для кроликов».

Так оно и было. Если у Джипа и Джесс и был какой-то недостаток, так это то, что они считали существование кроликов личным вызовом и охотились за ними часами напролет при малейшей возможности. На нашем острове никогда не было кроликов, зато теперь, когда людей не осталось, их было полным-полно на Сандрее и Уистсе. Эту одержимость мои собаки переняли от своих родителей: однажды их мать Фрея убежала за кроликом в дюны и никогда не вернулась, сколько бы мы ее ни искали. Их отец Уод такой дряхлый, что ходит даже меньше, чем моя мама, в ногах у которой он спит целыми днями. Когда-то он тоже был энергичным охотником. Когда мы отправлялись на большие острова, Джип и Джесс начинали скулить за полмили. Они первыми выпрыгивали на песок и бросались в сто-

рону пастбищ, где кролики грелись на солнышке. Еще с большим восторгом они охотились на крыс, живущих в заброшенных домах. Казалось, за кроликами терьеры охотились в шутку, гоняя их туда-сюда по песку и траве в жестокой игре в догонялки, но крысы были для них чем-то особенным. Поимка этих врагов была войной, а не развлечением. Оказавшись в заброшенном доме, мы всегда пускали собак первыми, чтобы они избавились от грызунов.

Продолжая гладить собак, Брэнд рассказал нам, что провел тринадцать лет в своих приключениях, поиске людей и исследовании мира. Он пересек Балтийское море до скандинавских фьордов, обогнул пустынные берега Европы до Гибралтара, а затем миновал атлантическое побережье Африки. Он не попал в Средиземное море, хотя прошел некоторые судоходные реки на материке. Мы слушали с открытым ртом, как он рассказывал о своих похождениях. Например, о трех семьях, живших в большом старом доме на Стокгольмском архипелаге, кучке крошечных островов вокруг бывшей столицы Швеции.

Когда я впервые увидел их, то решил, что это призраки, сказал Брэнд. Их было не отличить друг от друга — светлые глаза, бледная кожа, растрепанные, словно головки пушицы, белые волосы.

Он добавил, что девушки были очень красивыми, но они пугали его, и не только своим внешним сходством. Брэнд сказал, что они слишком много улыбались. Он уехал от них без сожаления, и от той встречи у него остались лишь странные воспоминания и привычка говорить «скол» в качестве тоста за столом.

Он рассказал о жутковатой парусной яхте, внезапно появившейся в мрачный безветренный день в Северном море и скрывшейся из виду, как только Брэнд окликнул ее владельца. Яхта исчезла на туманном берегу и больше не появилась. Все произошло так быстро, что он почти списал это на галлюцинации, пока через несколько минут его спокойно стоявшая лодка не была задета головной волной загадочного судна, которое

словно двигалось — еще более загадочно — своим ходом, ведь ветра не было.

Брэнд проплыл Ла-Манш и затем Сену, где обнаружил сожженный Париж, а перед ним, в устье реки, почти настоящую деревню. Он никогда такого не видел — пять или шесть семей, рыбаки и фермеры, жили вместе, как мы.

«Они мне очень понравились, — сказал Брэнд. — Я решил, что однажды вернусь, выучу их язык и останусь жить с ними».

Но когда спустя два года он вернулся из своего путешествия в Испанию и Африку, люди пропали.

«Никаких следов, — рассказал Брэнд. — Поля заросли так сильно, что, возможно, их никогда и не было. Возможно, мне все привиделось».

На мгновенье, пока он говорил, его глаза блеснули, словно он заметил что-то в пламени, на которое смотрел.

«Африка, — повторила Бар. — Там было жарко?»

«Очень», — ответил Брэнд.

«Мне бы тоже хотелось повидать мир, — сказала Бар, проигнорировав взгляд папы. — Просто узнать, как выглядят другие места».

После этого Брэнд встал и сказал, что ему нужно в туалет. Я поспешно вскочил, чтобы показать ему сарай с дырой в земле, и споткнулся о вещи, лежавшие на полу. На самом деле мне не хотелось, чтобы он вышел из дома первым, ведь Фёрг все это время стоял у двери и слушал нас.

Когда я открыл дверь, он бросился в кусты. Я остановился на пороге и притворился, что хочу чихнуть, чтобы дать брату больше времени. Затем я показал Брэнду наш туалет. Уже стемнело. Ветер стих, и дождь закончился.

«Там», — сказал я.

Брэнд посмотрел на высокий сарай. По сравнению с низкими каменными постройками на острове сарай возвышался, словно большой палец.

«Что ж, — с улыбкой произнес Брэнд. — Хорошо, что ты показал мне. Сам бы я его ни за что не нашел».

Я подумал, не заподозрил ли он неладное, но его улыбка разрядила обстановку. Я смотрел, как Брэнд идет через низкие заросли вереска к туалету, и заметил, что он внимательно оглядывает остров. В тот момент у меня мелькнула мысль, что он знает, что я смотрю на него.

Но после того, что произошло и как это произошло, я не уверен. Я знаю лишь одно: все закончилось очень плохо.

Мармелад

Жаркое пахло потрясающе, разговор за столом был интересным, и присутствие нового собеседника придавало ужину атмосферу праздника. У нас по-прежнему были праздники: папа говорил, что нужно отмечать ход времени и смену времен года. Поэтому у нас были дни рождения, летнее солнцестояние и Рождество, хотя мы не верим в бога. Мне было жаль Фёрга, который прятался на улице. Я поглядывал на папу, надеясь, что он смягчится и скажет, что его другой сын вернется с минуты на минуту. Тогда Фёрг немного подождет, с виновным видом войдет в дом и присоединится к нам. Но папа этого не сделал.

Я видел, что Бар тоже вопросительно смотрит на папу. Наконец он слегка тряхнул головой. Через несколько минут Бар встала и взяла котелок с жарким, сказав, что в ее порции одна картошка и почти нет трески. Я был увлечен разговором с Брэндом, но заметил, как Бар открыла маленькое окно в стене за камином и протянула миску с едой в темноту.

«Простите, — сказала она, когда Брэнд обернулся, почувствовав сквозняк. — Здесь становится душно».

«В свежем воздухе и ветерке в спину нет ничего плохого, — возразил Брэнд. — Я столько лет провел в море, что теперь мне становится не по себе, у меня начинаются приступы клаустрофобии, если я задерживаюсь в помещении. Я совсем разучился спать на суше. Засыпаю только под убаюкивающий шум волн».

Папа сидел рядом с мамой и кормил ее с ложечки, одну для нее, другую для себя, как он делал всегда. Бар сидела с другой стороны и вытирала мамин под-

бородок, когда у нее текла слюна. Это было таким привычным действием, что я никогда не задумывался, что кому-то это может показаться странным или неприятным. Хотя, конечно, я почти никогда не задумывался, что могут подумать о нас и нашей жизни незнакомцы, которых мы видели так редко.

Но, по-видимому, Брэнду было некомфортно от того, что взрослую женщину кормят как ребенка. Он отвернулся и заметил стопку книг у стены. Заметив мой взгляд, он спросил, зачем они нужны, и тогда мы начали обсуждать книги, чтобы дать маме немного личного пространства, которое, по мнению Брэнда, было ей так необходимо. Когда я сказал, что это мои книги и в них просто истории, а не полезная литература, Брэнд тут же начал расспрашивать меня, что мне понравилось и почему. Для меня это было чем-то новым — впервые чужой человек задавал вопросы обо мне. Наверное, поэтому я открылся и все рассказал.

Я сказал, что мне особенно нравились истории об апокалипсисе и антиутопии, потому что мне всегда хотелось узнать, что люди из До думали о возможном После. Брэнд сказал, что никогда не слышал слова «антиутопия», и я объяснил ему, что оно означает. Затем он спросил меня, какая была худшей, и без лишних колебаний я назвал «Дорогу»¹, историю об отце и сыне, путешествующих по Америке. С самого начала я чувствовал, что она кончится плохо, и не ошибся. Я сказал Брэнду об этом, и он кивнул, словно я сказал что-то очень умное и мудрое, а не просто коротко описал прочитанную историю.

«Возможно, именно это произошло в Америке, — сказал Брэнд. — После Обмена нашлось достаточно крепких ублюдков, чтобы воплотить этот кошмар наяву».

«Надеюсь, что нет», — ответил я.

Я говорил искренне, потому что никто не заслуживал такого будущего. Даже безумцы, входившие в Ограниченный обмен.

---

¹ Роман американского писателя Кормака Маккарти, опубликованный в 2006 году.

Разговор об Обмене привлек внимание папы. По этой причине, а еще потому что мама наелась, он включился в разговор. Брэнд спросил, что нам об этом известно. Папа ответил, что никто не знал, кто это начал, но в дальнейшие события были втянуты все. Выжившие обвиняли друг друга. Тогда мир еще говорил с самим собой — нации беспокоились о том, что о них подумают другие, прежде чем замкнуться в себе. Папа сказал, что спустя пять-десять лет они замолкли навсегда. Брэнд кивнул. Примерно то же самое он слышал от своих родителей.

Это произошло спустя семьдесят лет после Гелдинга — спустя целую жизнь, по библейскому стилю. Я знаю это, потому что один из беби-бастеров оставил надпись краской из баллончика на стене старой церкви Саут-Уиста, и погода до сих пор не уничтожила ее, хотя с каждым годом буквы становятся все бледнее:

Время жизни нашей — лет семьдесят,
Восемьдесят — для тех, кто сильнее.
И все, из чего эти годы слагаются, —
труды тяжкие и суета;
Быстро уходят они, и мы исчезаем.

Пс. 90.10

Мне кажется, тот, кто написал это, был на стадии «трудо-и-суеты», потому что почерк выглядит неровным и злым одновременно. Бар говорит, что эти слова — стон Последнерожденного поколения.

К тому времени численность населения планеты резко сократилась. Папа использовал эту проблему в качестве математической задачи, поэтому я знаю цифры. До Гелдинга в мире жило 7,7 миллиарда человек. Спустя семьдесят лет — менее десяти тысяч. У меня кружится голова, когда я пытаюсь представить такие большие цифры и то, как почти весь человеческий род исчез в никуда. Если быть точнее, спустя семьдесят лет нас осталось восемь с половиной тысяч. Вот только смертность заметно выросла, потому что на Гелдинге проблемы не закончились.

О более поздних событиях вроде Обмена или Конвульсиях, или Голоде мы знаем меньше, чем о том, что произошло задолго до них, потому что мы получаем всю надежную информацию из книг, которых у нас немало. Но после Гелдинга новых книг выпускалось все меньше, а потом выпуск и вовсе прекратился, словно люди больше не видели смысла в том, чтобы писать для поколений, которые никогда не родятся. Или они писали в интернете, который представлял собой паутину электрических сетей и тоже не выжил. Поэтому реальные истории о последних годах передаются устно, и хотя эти события произошли не так давно, именно они, а не то, что случилось раньше, похожи на мифы и легенды, ведь более ранние события зафиксированы в письменном виде и вошли в историю. Вот почему незнакомцы при встрече всегда обсуждают последние дни До — Долгое прощание. Люди сравнивают свои версии услышанного, надеясь, что другой человек поделится новой деталью этого пазла, который, по правде говоря, никому не суждено собрать.

Истории, которые знает моя семья, не описывают общую картину событий, потому что, конечно, люди лишь видели очертания вещей или слышали о чем-то на расстоянии. Какое-то время эти истории все равно хранились вдалеке от всего мира, не в лагерях, но и не на свободе, до тех пор пока беби-бастеры не поняли, что Гелдинг не остановить и нет никакого смысла пытаться заново заселить мир, ведь людей осталось так мало. Именно тогда родители папы отправились на остров, на край света, подальше от мира, пока он не разрушился полностью. Я думаю, они сделали это в первую очередь из вежливости. Папа вспоминал, как его мама рассказывала, что беби-бастеры, которым на тот момент было гораздо больше пятидесяти и оставалось жить немного, как-то странно смотрели на них, таких юных людей и с гладкой кожей. В их глазах было нечто похожее на скорбь, зависть и обычно — но не всегда — сдерживаемый гнев.

«Они открыли ворота и отпустили нас, — рассказывала бабушка. — Хотя они подчеркнули, что мы всегда были свободны, тот факт, что они сказали это, говорил об обратном. Мы ушли и продолжали идти до тех пор, пока море не отделило нас от земли. Там мы и обосновались».

«Остаться на острове не было чем-то странным или безумным», — заключил папа.

Брэнд кивнул. Конечно, мы все понимали: передвигаться по суше становилось все менее надежным и безопасным в последних днях агонии До.

«Море — это дорога, ведущая в любую точку мира», — сказал Брэнд. В его голосе слышалась гордость, словно море было его личным королевством. Но ведь, по его словам, он повидал полмира. Возможно, он имел право так говорить.

«Раньше эти острова не были такими отдаленными, пока суша была приручена дорогами, — продолжил папа. — Когда-то они были настоящими проходами в очень древний мир».

Он часто говорил это. Вот почему одни из первых людей, веривших в христианского бога, построили свои дома в месте, которое сегодня кажется самым отдаленным уголком мира, на южном острове под названием Айона. Я слышал о нем, но никогда не был там. Первые люди обосновались там не ради того, чтобы отдалиться от всего мира. Они поселились посреди оживленной водной артерии. Это правда. Это часть истории, и я знаю ее не только по рассказам папы, но и потому что я сам не раз читал ее во многих из наших книг.

Разговор перешел на тему странных вероучений, сект и помешательства, которое усилилось в период Долгого прощания. Папа сказал, что безумство стало еще безумнее: люди с самыми большими палками первыми потеряли терпение, и это привело к событиям вроде Обмена. Обмен означал отказ стран Ближнего Востока продавать нефть. В самых жарких и засушливых странах стало еще жарче и засушливее. Потом зародилось движение нитфриков: они хотели привести мир в порядок на случай, если это поможет оставшим-

ся людям. Или любой форме жизни, которая зародится на планете после того, как мы исчезнем. Эти люди оставили Всемирное семеновохранилище на Шпицбергене и генные банки по всему миру, которые они называли ковчегами. А еще они начали собирать мусор, например, организовывать свалки автомобилей.

«Они хотя бы пытались следить за безопасностью на старых ядерных заводах», — добавил Брэнд.

«Все шло не так гладко», — сказал я, хотя на самом деле слабо понимал, о чем он говорил. В детстве, еще до того, как я полюбил читать, я не знал, что означает слово «ядерный». Позже я понял, что ядерный — это что-то старое и грязное. Очень грязное. И с очень серьезные последствиями.

«Насколько мне известно, нитфрики были противоположностью кутежников, — продолжил Брэнд. — Проклятые кутежники просто решили растратить все, что осталось, потому что, черт возьми, на земле скоро никого не останется».

«Они съели весь пирог, — заключил папа. — Когда-то так говорили о ком-то безумно жадном».

«Наверное, это они начали есть собак», — сказала Бар.

Это ужасная глава истории эпохи До, в которую я откладываюсь верить. Когда-то мама рассказала Фёргу, что ее мама своими глазами видела это. Вот почему собаки стали почти такой же редкостью, что и люди. Хотя это не объясняет, почему самки — еще бóльшая редкость.

«Я слышал, что, когда города опустели, одичавшие собаки сбивались в стаи, и люди начали травить их, — сказал Брэнд. — Не знаю, правда ли это».

«В любом случае это плохая история», — ответил я.

Разговор продолжился на этой мрачной ноте. Папа и Брэнд сравнили свои версии прошлого. Они оба сошлись на том, что некоторые люди покончили с собой, без шума, зачастую группами, чтобы избежать боли и беспомощности, которая ждала их в старости, когда рядом не будет молодых здоровых людей, чтобы позаботиться о них.

«Может, они ушли пораньше, чтобы не попасть в давку?» — произнес я. Это была шутка из какой-то старой книги. Я не совсем понимал ее, потому что никогда не видел толпу, но я знал, что она должна была быть смешной. Наверное, мне хотелось показаться умным перед новым гостем в моем мире.

Брэнд и папа посмотрели на меня, но никто не улыбнулся. Я перевел взгляд на Бар и пожал плечами. Она закатила глаза, словно я был ребенком и мне не следовало вмешиваться в разговор старших.

Оставшиеся люди цеплялись за жизнь, словно пиявки, продолжил Брэнд. Они надеялись хотя бы увидеть, на что похож Армагеддон, прежде чем все исчезнет во тьме.

Их больше нет, подумал я и увидел, что Брэнд смотрит на меня так, словно читает мои мысли. Он кивнул.

Последнее поколение, беби-бастеры исчезли, сказал он. Мы живем в Новом Темном Веке. Скорее всего, Последнем Темном Веке.

Затем Брэнд широко улыбнулся, словно пытаюсь растопить лед, испортивший атмосферу праздника.

«Хочешь узнать, на что похожа жаркая страна? — спросил он у Бар. — Сейчас покажу».

Брэнд снова потянулся за своей сумкой, но на этот раз ему не пришлось долго искать. Он достал маленькую стеклянную банку с чем-то густым и рыжим, как его волосы. Когда Брэнд наклонил банку, ее содержимое не растеклось. Это напомнило мне янтарный кулон мамы с насекомым внутри. В свете огня камина казалось, что кто-то дотянулся до неба, отрезал кусочек от закатного солнца и запечатал его в банку.

«Это варенье?» — спросила Бар.

«Не совсем, — ответил Брэнд. — Это мармелад».

«Как кот? — воскликнула Бар, посмотрев на меня. — Как кот из книги?»

Когда-то Бар читала нам истории о мармеладном коте из книги с картинками¹. Джой обожала ее — и еще книгу с греческими мифами. Она так часто просила

---

¹ Речь идет о книгах Кэтлин Хейл «Орландо, мармеладный кот».

почитать ей вслух, что страницы расклеились, и их пришлось скрепить старым зажимом. Я не знаю, что произошло с книгой позже. Возможно, кто-то спрятал ее, чтобы она не напоминала нам о Джой. Все эти годы я не вспоминал о книге. Теперь воспоминания что-то пробудили внутри, и у меня зашипало в глазах.

«Спорим, вы никогда не пробовали мармелад», — заявил Брэнд.

«Его делают из апельсинов», — сказала Бар, вскинув подбородок. Ей хотелось показать, что она разбиралась в подобных вещах.

«Когда-нибудь ели апельсин?» — спросил Брэнд, оглядывая нас.

Все покачали головой.

«Теперь климат на острове стал теплее, — сказал папа. — Но для цитрусовых все еще недостаточно тепло».

Цитрусовые. Папа тоже не любил, когда другие считали его простаком.

Брэнд открыл крышку и протянул нам банку.

«Вот какая на вкус жаркая страна, — заявил он. — Но сначала понюхайте».

Мы все подались вперед и вдохнули аромат. Я никогда не ощущал ничего подобного — такого чистого и пряного. Запах был острым, с горчинкой и в то же время волшебным, солнечным.

«Если у вас есть хлеб и масло, — сказал Брэнд, — мы съедим бутерброды с мармеладом на десерт. Как лакомство. В благодарность за ваше гостеприимство».

Он улыбнулся, обнажив белые зубы на фоне ярко-рыжей бороды, и повел бровями, словно мир был отличным местом, и нам повезло оказаться в нем вместе.

«И чтобы задобрить вас, — добавил Брэнд. — Потому что завтра я покажу преобразователь, а потом попытаюсь убедить вас отдать мне очень много рыбы и еды в обмен на него. Если повезет, я даже выпрошу ту славную собаку».

Бар фыркнула.

«Только через труп Гриза», — с улыбкой сказала она.

«Ох, до этого не дойдет! — воскликнул Брэнд. — Все-го лишь мысли вслух. И все-таки она отличная собака».

«Мы придумаем, что предложить вам взамен, если это нужный нам преобразователь», — резко сказал папа, и я понял, что ему не понравилось, что Брэнд и Бар улыбались друг другу.

«Ваши друзья на Льюисе подтвердили это, — ответил Брэнд. — Но вы убедитесь в этом сами. Завтра».

Мы нарезали хлеб, смазали маслом, и Брэнд выложил на каждый ломтик густой слой апельсинового мармелада.

«Что это за кусочки? — спросила Бар.

«Кожура, — ответил Брэнд. — Я сам резал апельсины. Я приготовил мармелад по рецепту из старой кулинарной книги, когда был в Испании. Там не было людей, зато было много апельсиновых деревьев. Я нашел сахар в разрушенном отеле. Получилось сладко и кисло одновременно. Даже если вам не понравится, вы хотя бы узнаете, какой юг на вкус».

Вкус мармелада был удивительно насыщенным и более сложным, чем вкус всего, что я когда-либо ел. Как сказал Брэнд, мармелад был кисло-сладким, но не таким сладким, как мед. Он заполнял весь рот, но я не мог ощутить вкус солнца, потому что от сладкого у меня резко заболел зуб, который сломал баран утром.

Я вздрогнул от пронзительной боли, но никто не заметил этого. Каждый наслаждался новым лакомством по-своему. Бар смеялась. Папа закрыл глаза, словно это делало ощущения более яркими. Брэнд смотрел на мою мать.

Я сложил бутерброд пополам и спрятал в ладони.

«Потрясающе! — воскликнула Бар. — Это как кусочек лета».

«Вкус такой же, как и аромат, — сказал папа. — Спасибо. Чудесно».

«Лучше огненной воды», — сказал я, потому что все ждали моей реакции.

«Берите еще, — предложил Брэнд, потянувшись за хлебом. — Стоит только открыть банку, как вкус тут же ис-

чезает. Завтра мармелад превратится в липкую размазную. Нужно наслаждаться им, пока волшебство не исчезло!»

Я сказал, что мне нужно в туалет, и вышел из дома. Фёрг стоял в темноте. Не успел он ничего сказать, как я протянул ему бутерброд. Он улыбнулся и слегка толкнул меня, выражая свою благодарность.

Затем мы обошли дом, и он съел хлеб с мармеладом. Я видел, каким счастливым стало его лицо.

«На вкус как солнце, — прошептал Фёрг. — Потрясающе».

«У меня разболелся зуб, — сказал я. — Я принесу еще, когда смогу, или спрячу бутерброды, пока Брэнд не пойдет спать. Он сказал, что всегда спит в своей лодке».

«Надеюсь, он устал, — сказал Фёрг, кутаясь в свою куртку. — Становится холодно».

«По-моему, папа до сих пор не доверяет ему», — ответил я.

«Вполне похоже на него, — заявил он. — И это нормально. Возвращайся обратно, пока они ничего не заподозрили».

Когда я вернулся, Брэнд рассказывал папе о преобразователе. Папа улыбнулся, зевнул и сказал, что завтра они обсудят сделку. Бар доедала второй бутерброд, а мама уже спала.

Мы с Бар убрали грязную посуду, и я спрятал в карман бутерброд, который они оставили для меня. Увидев это, Бар молча кивнула. Она знала, что я сохранил его для Фёрга. Но она не знала, что я не стал есть свой из-за зубной боли.

Папа снова зевнул и сказал, что пора спать. Он разбудил маму и отвел ее в спальню. Предложил Брэнду заночевать в доме, но тот ответил, что еще немного поболтает со мной и с Бар, а потом вернется в свою лодку, где он привык спать.

К тому времени Бар тоже зевала. Мы с Брэндом продолжили разговор о книгах, которые мне нравились, и книгах, которые прочитал он. Пока мы говорили, Бар уронила голову на стол и заснула, сидя рядом со мной. Мы продолжили разговор. Теперь я понимаю, почему

так радовался общению: новый друг был для меня такой же экзотикой, как мармелад для других.

Пока мы говорили, Брэнд гладил Джесс и чесал у нее за ушами. Она прижалась к нему. Я почувствовал комок внутри, но все собаки добродушны, и нельзя ревновать животных, поэтому я отмахнулся от неприятного чувства и начал раскладывать тарелки для завтрака. Я не помню точно, о каких книгах мы говорили. Было видно, что мы оба устали, но никто не хотел признаваться в этом первым. Я помню, как процитировал строку из книги под названием «Смерть травы»¹, которая взволновала меня. Это строчка была не из последней части истории, где общество начало разваливаться, а люди убивать друг друга и превращаться в дикарей. Она встретилась мне в самом начале книги, перед тем, как в мире погибли урожаи пшеницы и вся трава, и начался голод. Слова были простыми, что-то вроде «начались школьные каникулы, и дети уехали на море». Это так отличалось от моего мира После — в мире До дети не учились дома. Мое обучение было насыщенным: папа с его лейбовичничеством заставлял нас читать все, что могло оказаться полезным. Но оно всегда происходило дома. Отправиться на море на каникулы? В моей жизни не было ни дня, когда бы я не видел море. Я не знаю, каково это. Море у меня в крови. Выслушав это, Брэнд кивнул и слегка ударил меня по руке кулаком. Я сказал ему, что вряд ли смогу дышать, если рядом не будет воды.

«Аминь», — ответил он.

Это последнее, что я помню. Я зевнул и заснул за столом, глупо радуясь теплу от огня в камине и ощущению новой дружбы.

Но я ошибался. Совсем скоро мне предстояло узнать, как легко дышится вдали от безопасности моря.

---

¹ Роман британского писателя Джона Кристофера, опубликованный в 1956 году.